

Хотя Цинь Цзигуй и понятия не имел, из-за чего молодой господин опять изволит капризничать, он всё же с невозмутимым видом заметил:

— Я вовсе не против, если ты за какие-то три с лишним юаня решил забрать себе право рулить моим гардеробом. Но вынужден напомнить: школьные рубашки бывают исключительно белыми.

Шэнь Янь опешил:

—...?

Школьная форма?

Он уткнулся в телефон, открыл аватарку Юй Чэнь и присмотрелся. И правда, на Цинь Цзигуе была обычная форменная рубашка.

Высокий, стройный парень в ослепительно белой рубашке шагает под тенью платанов в лучах заходящего солнца — вылитый кадр из постерного кино про школьную романтику.

Вот только школьные рубашки в Шивай были то ещё зрелище: мешковатый крой, висячая ткань... Большинство парней в их возрасте вытягивались тощими, как бамбуковые жерди, поэтому форму в школе давно окрестили «фирменным мешком Шивай». Шэнь Янь брезговал надевать её последние два года, так с чего вдруг на Цинь Цзигуе она сидела идеально?

Насмурившись, Шэнь Янь вскинул взгляд на Цинь Цзигуя. Первым делом в глаза бросился его разворот плеч — широкий, статный. А потом Шэнь Янь скользнул взглядом дальше, в ростовое зеркало за спиной друга, и увидел собственную фигуру — с ещё по-подростковому худыми, хрупкими плечами.

Шэнь Янь молча уставился в зеркало.

Пауза длилась секунду. И тут его озарило.

Этот хитрый пёс Цинь Цзигуй явно жрал кальций втихаря от него!

Нащупав наконец железный поворот для обиды, Шэнь Янь с абсолютно чистой совестью выдал очередную капризную глупость:

— А самому додуматься не носить форму — слабо?

Цинь Цзигуй понятия не имел, с какого перепугу Шэнь Янь взъелся на белые рубашки.

Впрочем, какая разница? Он лишь небрежно кивнул:

— Ладно-ладно, как скажешь.

Нагнувшись к шкафу, он вытащил чистое банное полотенце и протянул ему:

— Иди в душ, переоденься. Не хватало ещё простудиться.

Поначалу Шэнь Янь ничего такого не замечал, но стоит кому-то упомянуть, как кожа тут же начинает казаться липкой. Спорить он больше не стал: допил залпом молоко из пакетика, сжал пустую упаковку в комок и точным броском отправил в урну. Затем подхватил под локоть полукалеку Цинь Цзигуя, который еле переставлял ноги, дотащил его до кровати, вооружился пижамой и скрылся за дверью ванной.

Захлопнулась дверь, и вскоре оттуда донёсся шум льющейся воды.

Послушно выполняя волю молодого господина Шэня, Цинь Цзигуй переоделся в чёрную футболку. Подошёл к письменному столу, взял телефон и уже собрался черкнуть Чэнь Юйбаю, чтобы узнать домашку, как в дверной звонок зазвонили с безумной настойчивостью.

— Дружище Цинь, брат Цинь, наш дорогой председатель! Открывай, я прибыл от лица всей партийной ячейки — нести тебе заботу и тепло! — раздался из-за двери ленивый голос Чэнь Юйбая.

Цинь Цзигуй вполне уверенным, ровным шагом пересёк коридор и столовую, отпер замок и оглядел гостя. Чэнь Юйбай стоял на пороге в полном амуниционном обвесе: один рюкзак на спине, второй в левой руке, третий в правой.

— Ты чего припёрся? — спросил Цинь Цзигуй.

Чэнь Юйбай приподнял рюкзаки в руках:

— Домашку вашу приволок. Хорёк велел передать. А Шэнь Яню — отдельный пламенный привет: пропустить уроки дважды за три дня — это, цитирую, «повадки ленивого осла, у которого перед пахотой понос начинается». Так что в воспитательных целях он обязан сегодня же разобрать и исправить ошибки во всех итоговых контрольных. Не сделает — будет переписывать все задания, в которых накосячил, вместе с условиями. Десять раз.

Цинь Цзигуй забрал рюкзаки:

— А я разве не вместе с ним отпрашивался?

— О-о, насчёт тебя Хорёк выразился иначе: отдыхай, мол, набирайся сил, «точи топор — быстрее срубишь дерево».

Чэнь Юйбай растягивал слова с неизменным ленивым пофигизмом, отчего его реплики всегда отдавали лёгким ядом.

Цинь Цзигуй чуть нахмурился — откровенная предвзятость Хуан Шуляня явно не вызвала у него восторга.

Чэнь Юйбай отлично понял, за кого тот оскорбился, но влезать в их разборки не горел желанием. Переведя взгляд на длинные, вполне себе устойчивые ноги приятеля, он с ухмылкой уставился на него:

— Не хромаешь?

Цинь Цзигуй и глазом не моргнул:

— Хромаю. Тяжело.

— ...Понял-принял, — протянул Чэнь Юйбай.

Нависла пауза полного взаимопонимания.

— Если нужно прикрыть или сыграть на публику — ты только свистни, брат.

— Поменьше самостоятельности, и на том спасибо, — огрызнулся Цинь Цзигуй.

— Какая самостоятельность, я ж идеальный напарник! — искренне возмутился Чэнь Юйбай. — Кстати, о птичках. Тут мне кое-что всучили... Вот сижу и думаю, отдавать тебе или ну его?

Цинь Цзигуй вопросительно изогнул бровь.

Чэнь Юйбай порылся в своём рюкзаке и извлёк стаканчик с чаем с молоком:

— Юй Чэнь из класса 2-6 просила передать. Сказала, мол, раз Шэнь Янь тебя избил, она как староста считает своим долгом извиниться за своего одноклассника.

— Шэнь Янь меня избил? — Цинь Цзигуй моментально уловил главное.

— Ага, — кивнул Чэнь Юйбай. — Вся параллель гремит. Дескать, ты сцапал Шэнь Яня на

прогуле, из-за тебя Хорёк заставил его переписывать школьный устав, Шэнь Янь в ответ обозвал тебя скверной птицей, вы забились в обед на Задней улице, подрались в хлам, оба угодили в больничку и теперь стали заклятыми врагами на веки вечные.

Цинь Цзигуй лишился дара речи:

—...

Интересно, каково было бы выражение лиц этих сплетников, знай они, что «заклятый враг» прямо сейчас сидит в его ванной, плещется в его геле для душа и моет голову его шампунем?

— А кто такая Юй Чэнь? — совершенно искренне поинтересовался Цинь Цзигуй.

Чэнь Юйбай онемел.

Ну да, логично. Цинь Цзигуй в этой жизни, похоже, способен запомнить только людей с фамилией Шэнь.

Он вытащил телефон, открыл карточку контактов Юй Чэнь и ткнул экраном Цинь Цзигую почти в нос:

— Вот эта! Девчонка из тебя идола сотворила, даже на аватарку твою фотку вклеила — говорит, это мотивирует её учиться, чтобы из шестого класса выбиться прямо в Цинхуа или Бэйда. У тебя вообще сердце есть?

Цинь Цзигуй пропустил мимо ушей половину тирады. Его внимание зацепилось лишь за одно: аватаркой у девушки действительно стоял его снимок. В той самой белой рубашке. К тому же она училась в классе 2-6 и знала Шэнь Яня.

В эту секунду до Цинь Цзигуя дошло, отчего у Шэнь Яня так внезапно испортилось настроение. Правда, точную причину он угадать пока не мог. В прошлой жизни Шэнь Янь явно был рыбой-фугу — его логика могла вспухнуть и выпустить колючки от абсолютно любого пустяка.

Зато вкус у молочного чая был как раз из любимых Шэнь Янем. Интересно, снизит ли это градус его раздражения?

Поразмыслив, Цинь Цзигуй забрал стакан:

— Ладно, это я возьму. А ты купи точно такой же и отнеси той девчонке от меня. Скажи, что я подарки не принимаю.

— Э-э?.. — Чэнь Юйбай хотел уже потребовать объяснений, но из глубины квартиры долетел вопль Шэнь Яня:

— Цинь Цзигуй! Ты где там застрял?!

Цинь Цзигуй моментально сделался кирпичом и без тени сомнений грохнул дверью прямо перед носом приятеля:

— Иду! — отозвался он.

На площадке остался Чэнь Юйбай, которому едва не раскроило нос дверным полотном:

«???»

Использовал и выбросил?! Цинь Цзигуй вообще человек или где?!

Вышедший из ванной с полотенцем на мокрых волосах Шэнь Янь даже не подозревал о разыгравшейся драме. Заметив, что Цинь Цзигуй подпирает косяк, чуть подогнув больную ногу и морщась от невидимого дискомфорта, он тут же недовольно буркнул:

— Куда тебя несёт с такой ногой?

— Хорёк прислал Чэнь Юйбая с нашей домашкой, — ответил Цинь Цзигуй и с невозмутимым видом зачитал список задач, щедро отсыпанных Хуан Шулянем, попутно озвучив и штрафные санкции.

Шэнь Янь замёр с полотенцем в руках. Новость трахнула его пыльным мешком по голове.

Лишь когда Цинь Цзигуй нагнулся, намереваясь поднять с пола рюкзаки, Шэнь Янь очнулся от шока, швырнул полотенце на диван и рявкнул:

— Не смей нагибаться!

Он сгрёб рюкзаки одной рукой, а второй бережно подхватил «хрустального калеку» Цинь Цзигуя и потащил этого задохлика в спальню.

Сгрузив пострадавшего на кровать, Шэнь Янь уже приготовился прочитать ему лекцию о вреде самодеятельности. Но не успел он упереть руки в бока, как боковым зрением усек стаканчик с чаем в руках Цинь Цзигуя. Назидательный тон мгновенно улетучился:

— Это ещё откуда?

Цинь Цзигуй только открыл рот, как Шэнь Яня осенило, и он с нажимом спросил:

— Юй Чэнь передала через Чэнь Юйбая?

Ну... и да, и нет. Цинь Цзигуй замялся, не зная, как сформулировать.

Эта секундная пауза стала для Шэнь Яня чистосердечным признанием. Волна глухого, ядовитого раздражения мгновенно затопила всё его существо:

— Дрянь!

Цинь Цзигуй хлопал глазами:

—?

Он так и не понял, за какие грехи его снова записали в отбросы общества.

Шэнь Янь же, пыша гневом, выдал:

— Подавись своим чаем! И вообще, не смей со мной разговаривать ближайшие двадцать четыре часа! Не мешай мне учиться!

Быстро грохнув рюкзаком о стол, он вытащил бланки контрольных, размашисто разложил их перед собой и уселся спиной к Цинь Цзигую. Всем своим видом он демонстрировал: контакт закончен.

Цинь Цзигуй посмотрел на стаканчик. Он гадал: то ли у Шэнь Яня старые счёты с Юй Чэнь, то ли его взбесило, что та считает Цинь Цзигуя своим идиолом, то ли причина крылась в чём-то третьем.

Опасаясь испортить только-только наладившийся хрупкий мир, Цинь Цзигуй лишь поджал губы. Он молча опустил глаза, бесшумно поставил чай на край стола — так, чтобы Шэнь Яню достаточно было протянуть руку, — и больше не произнёс ни слова.

От этого молчания Шэнь Янь взвился ещё пуще. Взорваться бы — так приложение заставило дать зарок не злиться двадцать четыре часа! Хлопнуть дверью и свалить — так надо же «ухаживать за болящим»! Гнев бурлил на пустом месте, выплеснуть его было некуда, поэтому Шэнь Янь сорвал с подставки ручку и со злостью принялся скрестить по бумаге, делая работу над ошибками.

Но пыла хватило ровно на пару строчек.

Чёрт возьми, до чего же срань господня, а не задания!

На бумаге их домашнее задание звучало одинаково — «исправить ошибки в итоговых работах». Но по факту между ними лежала пропасть.

Из семисот пятидесяти возможных баллов Цинь Цзигуй выбил семьсот двадцать три. Четыре балла срезали за сочинение по китайскому, пять — за чтение, шесть — за развёрнутые ответы, да ещё пару баллов умыкнули в английском эссе. Всё. Больше ошибок у него просто не водилось.

У Шэнь Яня же в ведомости красовалось триста двадцать семь баллов. И если выбросить сочинения и открытые вопросы, то зачеркнуть «неправильно» было нельзя разве что на паре случайных строчек. Настоящих правильных ответов у него кот наплакал.

В итоге картина вырисовывалась следующая. Один полулежал на кровати, срубив длинную ногу, лениво крутил между пальцев ручку и витал в облаках, думая о чём-то бесконечно важном.

А второй пластом распластался по столу, созерцая красное море из крестов и галочек, и в бешенстве взъерошивал волосы, превратив их в воронье гнездо. Голова у него раскалывалась от тупой боли.

Шэнь Янь искренне считал требование Хорька полным абсурдом. Какая нафиг работа над ошибками?! Кабы он знал, как правильно решать эти задания, он бы сразу написал верные ответы! А если б он знал верные ответы, стал бы он косячить на экзамене?! Неужели за пару дней эти вопросы, которые были для него тёмным лесом, вдруг вспыхнули к нему родственной любовью и сами раскрылись? Элементарная же логика, почему до Хорька такие простые вещи не доходят?!

Он крутил листы и так и эдак — ни бельмеса. Чем меньше он понимал, тем сильнее закипал.

Порыв обратиться к Цинь Цзигую умер во чреве. Шэнь Янь оглянулся и обомлел: тот восседал на кровати в очках в тонкой серебряной оправе, вытянув длинные ноги, и слегка наклонил голову. Чёрная футболка подчёркивала бледность кожи, а тёмный разлёт бровей и глубокий взгляд придавали ему вид эдакого чертовски привлекательного интеллигентного мерзавца.

Шэнь Янь закипел с новой силой.

Дрянь! Накрахмаленный индюк, только и умеет, что корчить из себя красавчика да девок приманивать!

Сам-то Шэнь Янь в обед притащил ему огромный стакан чая со всеми допами — и этот гад даже глотка не сделал! А чужие подгоны принимает с превеликим удовольствием. Бесит!

Шэнь Янь и сам не мог толком понять, с чего его так расколбасило. Просто одна мысль о том, что у Цинь Цзигуя появится девчонка, и тот забудёт на них, перестанет тусоваться и заботиться о нём как раньше... от этого в груди всё сжималось от тяжёлой, липкой тоски. А сам Цинь Цзигуй начинал казаться невыносимым мерзавцем.

Да, Шэнь Янь признавал, что ведёт себя нелогично и капризно. Но поделать с собой ничего не мог.

Ему было ясно одно: разговаривать с этой птицей он не желает. Вот только без его помощи задания не решить, работу не сдать, а значит — привет, десятикратное переписывание условий. Да проще сразу застрелиться!

И лимит системы исполнения желаний обновится только в следующую среду... Как протянуть эти дни?! Шэнь Янь уткнулся лбом в столешницу, всем своим видом выражая крайнюю степень отчаяния и тоски.

Знай он заранее, ни за что не стал бы спускать драгоценный шанс на этого грошового, бессовестного павлина! Лучше бы загадал тройки по всем предметам на следующих экзаменах.

Впрочем, несмотря на эти мысли, он и не подумал открывать приложение «Исполнение желаний», чтобы сменить запрос.

Размышляя о тройках и проходных баллах, Шэнь Янь неожиданно замер. Затем резко выпрямился.

Точно! Цинь Цзигуй — не единственный ботаник на этом свете!

Разве Го Ю не сватал ему сегодня днём какого-то суперотличника по прозвищу Бог Красоты?! Надо писать ему!

Шэнь Янь мысленно погладил себя по головке — настоящий гений! В конце концов, проблемы, решаемые деньгами, — это не проблемы, а расходы. Он тут же выудил телефон, зашёл в QQ, отыскал контакт с ником [Первый красавец под небесами] и застрочил:

[S.]: На месте?

Ответ прилетел мгновенно:

[Первый красавец под небесами]:?

[S.]: Заказы принимаешь?

[Первый красавец под небесами]:??

[S.]: Разбор ошибок в контрольной. Тесты и короткие ответы — по десять юаней за штуку, развёрнутые задачи — по двадцать. Возьмёшься?

[Первый красавец под небесами]:...

[Первый красавец под небесами]: Погоди, надо подумать.

Да тут и думать нечего! Шэнь Янь снисходительно ухмыльнулся.

С его-то количеством ошибок полная работа потянет почти на косарь юаней! Это же халява по сравнению с составлением конспектов. Или чувак решил поторговаться?

Шэнь Янь, не долго думая, добавил:

[S.]: Если мало — назови свою цену. За баблом не постою.

Заначка на будущую свадьбу у него скопилась приличная, так что раскошелиться он мог безболезненно.

Но собеседник откликнулся неожиданно:

[Первый красавец под небесами]: Дело не в деньгах.

[S.]:?

[Первый красавец под небесами]: Время забито, бро.

[S.]:??

[Первый красавец под небесами]: Я реально занят под завязку. Но если у тебя горит, есть один вариант.

[S.]: Излагай.

[Первый красавец под небесами]: У меня есть напарник. Твой одноклассник, мозги варят отлично. Но судьба у парня тяжёлая, так что подработка ему нужнее, чем мне. Если согласен, подцепляй его контакт:

[Первый красавец под небесами]: [Карточка контакта: Бедняжка номер один в мире]

Шэнь Янь кликнул на карточку. Узрев эмо-картинку в лучших традициях гот-эпохи 2000-х и соответствующий ник, он отупел:

«...»

Сразу видно — из одной шарашки. Выглядит максимально подозрительно.

Впрочем, выбирать не приходилось. Делать нечего, придётся лечить дохлую лошадь. Черкнув [Ладно, от души], Шэнь Янь отправляет запрос в друзья.

Видимо, [Первый красавец] уже ввёл приятеля в курс дела, так как заявку приняли почти мгновенно.

Шэнь Янь не стал разводить размазню и сразу выкатил условия вместе со скан-копиями своих бланков:

[S.]: Брат, осилишь? В нашей Шивай задания специфические, с уклоном в повышенную сложность. Если не тянешь — скажи сразу, без обид.

И он не преувеличивал: Шивай славилась опережающей программой и собственными контрольными, чьи требования превосходили стандартные городские лица на порядок. Внешний отличник легко мог сдуться на местной высшей математике.

Однако незнакомец отозвался коротко и убойно:

[Бедняжка номер один в мире]: Изи. Проще некуда.

[S.]:??

[Бедняжка номер один в мире]: Мой минимум — 720 баллов.

[S.]:???

[S.]: Брат, ну ты и свистеть. Мой лучший кореш — бессменный чемпион городских олимпиад, и тот наскрёб всего 723. Ты хочешь сказать, что круче его?!

[Бедняжка номер один в мире]: Если он такой крутой, почему ты не просишь его?

[S.:...

[S.]: Мы не общаемся.

[Бедняжка номер один в мире]: Ты же сам сказал — лучший кореш?

Шэнь Янь выдохнул:

«...»

До чего ж въедливый тип!

Он принялся раздражённо настукивать:

[S.]: Мы тут за бизнес перетираем или за личную жизнь?

Но сообщение собеседника опередило его:

[Бедняжка номер один в мире]: Поругались, да?

Шэнь Янь ошеломлённо замер.

А парень-то непрост!

Новое уведомление от анонима:

[Бедняжка номер один в мире]: Если не против, можем перетереть. Мой лучший друг сейчас тоже на меня в обиде. Вдруг сможем друг друга понять?

И следом:

[Бедняжка номер один в мире]: Всё-таки близким сокровенное открывать тяжело, а чужому человеку выговориться проще. К тому же со стороны видно лучше. Авось подскажу чего полезного.

А ведь дело говорит. Вообще-то Шэнь Янь не любил делиться душевными терзаниями — его эмоции вспыхивали ярким пламенем и сгорали дотла так быстро, что не успевали перерасти в проблему.

Однако сегодняшняя мутная грызня в груди вспыхнула без видимого повода, поставив его в тупик. Держать в себе он ничего не умел — утаивание переживаний отравляло жизнь.

Пожалуй, этот невидимый собеседник отлично подходил на роль психолога. Всё равно тот не знает его имени, никаких данных Шэнь Янь светить не собирается. Выплеснет всё в эту виртуальную жилетку — и делов-то. Всё лучше, чем сидеть и давиться собственным ядом.

Закусив губу и с минуту подбирая слова, Шэнь Янь с абсолютно серьёзной миной вывел на экране:

[S.]: Что делать, если твой лучший друг внезапно начинает бесить тем, что он слишком, сука, красивый?

В мгновение, когда сообщение ушло в сеть.

Сидевший за его спиной Цинь Цзигуй невзначай приподнял бровь.

<http://bllate.org/book/20611/2132410>